

Анатолий Вострилов

Отцовский узелок

Стихи

Горький
Волго-Вятское книжное издательство
1987

Разговор с читателем

Здравствуй, друг,
Читатель дорогой!
Наконец, мы встретились с тобой.

Знал бы ты,
Как ждал я встречи этой...
Впрочем, ты не раз в родном краю,
Развернув районную газету,
Видел в ней фамилию мою.

Ты – не кто-то,
Приходя с работы,
Узнавал с моей статьей в руках
О делах районных и заботах,
О своих героях-земляках.

Ты меня
Подбрасывал в совхозы
На «летучке», на грузовике.
Вместе мерзли мы с тобой в морозы.
В дождь и в грязь шагали налегке.

Нам ли
Друг на друга быть в обиде,
Если можешь ты в любой из строк
Завтрашней статьи моей увидеть
То, что ты и сам в душе берег?

И пускай
Писал я не о БАМе,
Не о всяких межпланетных трасс-
Наш район, обыкновенный самый,
Тот, что не покинем никогда мы,
БАМом стал и космосом для нас.

Здравствуй, друг,
Читатель дорогой!
Мы давно уж связаны с тобой.
Сам того не зная,
В жизнь влюбиться
Ты помог мне в суматохе дел,
Хоть вернуть тебе тот долг сторицей,
Втиснув мир в газетную страницу,
И порою просто не умел,

А ведь часто
Из-за строчек этих
Я теряя и сон свой, и покой...
Думаешь - работаю в газете,
Так уж и особый я какой?

Все привычно
В моей жизни личной.
Как у всех, и мысли, и права,
Только вот работа необычна:
Надо душу выплеснуть в слова,
В строчки перелить...

Да чтоб к тому же
Встало слово с делом наравне.
Чтоб мой труд стал так же людям нужен,
Как, к примеру, труд доярки мне.

Здравствуй, друг!
Читатель дорогой!
Очень рад я встретиться с тобой.

Знай:
Свой труд готовил я с любовью,
И любому делу он сродни.
Я сегодня здесь перед тобою
Как бы раскрываю свой дневник.

Вот он –
Века звездного мгновение!
Пусть в нем сердцем – лучшей из антенн –
Сквозь незыблемость квартирных стен
Ощутишь ты поступь ускорения
И весенний ветер обновления,
Свежий ветер добрых перемен!

Звезды над полями

Вечное

Путь
От сохи до звезд
Был труден.
Но в главном
Мир наш с древним схож:
Из года в год
Все так же люди
Выходят в поле сеять рожь.

И в громе
Века электронного
Все под такой же звездопад
Встречаются в ночи влюбленные,
Как и столетия назад.

Война.
Нет-нет да рыкнет в ярости,
Ораторы с трибун кричат.
А кто-то знай себе хлеба растит,
Детей ласкает – смену в старости –
И мир весь держит на плечах!

Ветла

Какой ей год –
Никто не помнил,
Она всегда такой была –
С дуплом огромным возле комля,
Многообхватная ветла.

Была в селе,
Как Кремль в столице,
Она приметой из примет.
К ней из сражений возвратиться
Мечтали мой отец и дед.

Над ней не властны были годы,
И сколько же прошло под ней
Встреч, расставаний, споров, сходов
Хотя б на памяти моей!

Казалось:
Не поддаться шквалам
Быть вечно ей, как быть селу...
Но как-то ветром небывалым
Сломано старую ветлу.

И вздрогнул мир.
Как с человеком,
Три дня село проститься шло
С ровесницей былого века
С еще дышавшею ветлой.

Ветлу,
Конечно, распилили,
Дрова давно в печи сожгли.
Сук от нее лишь отрубили
И вновь воткнули в грудь земли

Растет он
На холме знакомом
На месте матери своей...
А я за сотни верст от дома
Все слышу шум ее ветвей!

Бревна

Чем пахнут
Сосновые бревна?
Предутренней свежей смолой
И бором седым, что нестройно
Шумит над уставшей землей.

Чем пахнут
Сосновые бревна?
Отцовского дома дымком
И детством, и первою любовью,
И радостным школьным звонком.

Чем пахнут
Сосновые бревна?
Да разве же все перечесть!
Все то, что увидеть дано нам,
Чем жив я – в том запахе есть.

В нем радость
Грядущих открытий.
Пути, что нас к счастью манят,
Россия...

А вы говорите –
Мол, так себе,
Бревна лежат!

Живая вода

Знай:

Есть не только в сказках или в книгах
Вода, что может мертвого поднять.
Спокон веков на всей Руси великой
Ее умели добывать.

Известно было
Предкам бородатым:
Где пар клубится утренней порой,
Где зеленой трава - близка вода там,
И, значит. Смело там колодец рой!

А что – колодец?
Всех начал начало,
Щит от огня, от засухи, беды.
Все знают : можно
(Как не раз бывало)
прожить без хлеба.
Но не без воды.

Любой починок
Начался с колодца.
Всегда был нерушим закон святой:
Не плюй в колодец – может, пить придется.
А можешь – сам еще один построй!

Построй – да так.
Чтоб совершилось диво,
Чтобы вода была, как на заказ.
Чтоб не смеялись:
Выйдет – будет пиво,
Ну, а не выйдет –
Значит, будет квас!

Колодец строить –
Мудрое искусство.
Не верь же, что оно вот-вот умрет,
Что редко различаем мы по вкусу
Ключ родниковый и водопровод.

В сердцах у нас,
Как в сказках, остается,
Живая, вечно юная вода.
Как в глубине хорошего колодца,
Она в нас не иссякнет никогда!

Старшие

Не потому ль,
Что рос я без отца
Меня всю жизнь мою тянуло к старшим,
К успевшим закалить свои сердца,
Скорей меня взрослеющим и мужавшим?

Тянулся к старшим я.
У них всегда
Чему-то можно было поучиться:
Как братья в ребячьих играх города,
Как с гор слетать на лыжах, словно птица.

Как старшие,
Умел я в вышине
Средь бела дня сквозь тучи видеть звезды
И с женщинами, что встречались мне,
Быть по мужски открытым и серьезным.

Не мог я
Старшим равным быть. но все ж
Был, как они, в несчастье непреклонен,
Любил их мысли, острые, как нож,
И, как лопаты, крепкие ладони.

И даже вот теперь, когда достиг
Я зрелости своей, как говорится,
Так рад я, что на свете есть старик,
Который мне в отцы вполне годится.

Которому
Могу я все сказать,
Во всем, что сделать не сумел, признаться,
И может даже, опустив глаза.
Припав к плечу, по-детски разрыдаться!

Дядя Ваня

Мальчишкой
Я запомнил свято,
Как под победный гром весны
В далеком, звонком сорок пятом
Фронтовики пришли с войны.

О, как тогда
Гармони пели
В селе с темна и до темна!
Как на отцах ремни скрипели
И как звенели ордена!

И только
Дядя Ваня Байков
Как снял свою шинель с плеча
Да заменил ее фуфайкой,
Так больше и не замечал.

Мы знали: дядя Ваня в Бресте.
В самом Берлине видел смерть.
В любом президиуме с честью
По правду мог бы он сидеть.

А он,
Прошедший по Европе.
В чаду совхозной мастерской,
Как в долговременном окопе,
Торчал бывало, день-деньской.

Мы
Дяди Ванины рассказы
Могли бы слушать до зари.
Но он за много лет ни разу
О фронте не заговорил.

Считал, поди-ка:
Ни к чему, мол.
И только до последних дней
По вечерам все думал, думал –
С ней, конечно, о войне!

Потом
Его мы схоронили.
А что с войны ему пришлось
Носить у сердца – не спросили...
Боялись, чтоб не взорвалось!

Вечером на реке

По вечерам
Над речкою – красавицей
Плывут, как каравеллы, облака.
И в глубине бездонной отражаются
Просторы мироздания и века.

На речке вечером –
Как в дни творения:
Мальчишки рыбу связками несут,
А из воды, как лилии весенние,
Веселые купальщицы растут.

А тишь –
Нигде такой не встретишь чистой.
Лишь от кустов. Что невдали от вас,
Где кем-то брошен на траве транзистор,
Вдруг гроыхнет сверхсовременный джас.

Лишь над рекой
Прочерченный в зените
Сверхзвуковою птицею пунктир
Напомнит, на какой непрочной нити
Он держится, прекрасный этот мир...

Два детства

Бурлит наш мир,
Гудит в сердцах набатом.

И вот уж стайки шумные детей
Играют не в войну, как мы когда-то,
А в старты межпланетных кораблей.
Не удивит их лунный камень даже,
Не то что телевизор в наши дни...

Взрослей их детство
По сравнению с нашим.
Но как мне жаль,
Что так взрослые они!

Знаком сынишка мой
И с молодым джазом,
И с заревом неоновых реклам.
Но я – то знаю, что его ни разу,
Как молния, не жалила пчела!

Уже он
Автомострастью болен,
Над сказочным смеется Колобком.
Но никогда – представьте только! – в поле
Сын по жнивью не бегал босиком!

В каких уже краях
Парнишках не был!
Но не умеет он издалика
Почувствовать горячий запах хлеба,
Не пробовал парного молока...

Как вехи века,
Встали по соседству,
В жизнь добавляя каждое свое,
Твое, мой сын, сегодняшнее детство
И детство безвозвратное мое!

Подарки

Во дни войны,
В селе далеком,
Когда нам открывался мир,
Лишь на картинках видеть мог я
Конфеты, скажем, или сыр.

Но было – не во сне, не в сказке,
Когда вдруг, волею судеб,
Давали нам кусок колбаски
И без мякины, чистый хлеб.

И тех,
Что чудо нам дарили,
Как мы боготворили их!
Они волшебниками были
И великанами из книг.

Из городов,
Из дальней дали
Явившись осчастливить нас,
Они нам детство возвращали –
Пускай на день один, на час...

Лишь взрослым став,
Я понял: были
Они обычными людьми
И нам подарки привозили,
На время сами став детьми.

Они с утра
К станкам вставали,
Не доедая и скорбя.
Кусок последний отдавали,
Его скрывая от себя.

...А мы?
А мы – то несравненно
Теперь могли бы быть щедрей
Людей эпохи той военной,
Своих отцов и матерей.

И до сих пор
На сердце рана:
Обидно, как ни говори,
Что сам не стал я великаном,
Что мало в жизни я дарил...

Кочетки

Так смеха ради санки называли
Во дни войны в селе моем лесном.
Их с вечера дровами нагружали
И оставляли на ночь под окном.

А утром их полозья запевали,
Когда взаправдашние кочета,
Пригревшись возле кур на сеновале,
Еще во сне не слышат ни черта.

А утром против снега, против ветра,
Бабенки в одиночку и гурьбой
В район, за восемнадцать километров,
Тащили эти санки за собой.

И было видеть хуже всякой пытки,
Как бабы, продавая санки дров,
Стояли, пропотевшие до нитки,
Открытые любому из ветров.

Как после шли они, ссутулив плечи,
Через поля пустынные назад
И вваливались все-таки под вечер
В свои избушки, полные ребят...

Катаются вовсю на санках дети,
Так слова «кочетки» и не узнав,
Не ведая о том, что санки эти
Не каждому служили для забав!

Картошка

Эх, ты играй, играй, гармошка,
Пока в подполе картошка.
А картошечку съедим-
И гармошку продадим!
(Из частушек военных лет)

Весной в подвале,
В каменном мешке,
Во мраке, под столькими этажами,
Взметнулось над картошкой в уголке
Ростков прозрачных призрачное пламя.

Кто мог им сообщить
В слепую ночь,
Под толщу многотонного бетона,
О том, что солнце гонит зиму прочь,
Что вновь земля становится зеленой?

Всего-то
Той картошки с полведра.
Но, запертые здесь на семь запоров,
Ростки сквозь пыль цементную и мрак,
Как люди, рвутся к свету и простору.

Их обрывают.
Но они опять
В любые щели тянутся упорно
По камню, где и трещин не сыскать,
Где даже не к чему приткнуться корню.

Как будто знают:
Свет сильнее тьмы,
А солнце может встать в любом окошке...

Вот так же яростно,
В войну и мы,
Войной жестокой детства лишены,
Росли на ней – кормилице картошке!

Фотографии на стене

В деревне
Все, как на ладони.
В любой дом заходи –
И вот
На стенах в рамках немудреных
Перед тобой крестьянский род.

Здесь
Радость на виду и беды.
Вот с фотографии за стеклом
На вас сурово смотрят деды,
Построившие этот дом.

А вот отцы
При всех медалях –
Несокрушимый щит страны.
Домой вернуться обещали,
Да так и не пришли с войны.

А вот и внуки.
Много тут их.
Да что поделать – в города,
Кто на завод, кто в институты
Поразлетелись из гнезда.

Но
Не припрятаны в альбомы,
Глядят сквозь даль времен глаза.
Звучат, как прежде, в старом доме
Живых и мертвых голоса.

Но все, кто жил в нем,
Будут вместе,
Пока, печальна и строга,
Хотя б одна старуха есть здесь –
Хранительница очага.

Они здесь с нею
Вместе вроде,
На перекрестке всех ветров...
И только за водой не сходят
Да не наколют в печку дров!

Наследство

За окошком
Вьюга злится.
Бабке Марье на печи
Всю-то ноченьку не спится –
Протирает кирпичи.

Вот заснешь
На этом свете,
А проснешься вдруг – на том,
Налетят, наедут дети –
Кто хранить возьмется дом?

А кому
Тогда иконы
И обновы в сундуке?
Деньги – те, что сбережены
На сберкнижке и в чулке?

Сладить надо так,
Чтоб детки
Вспоминали бы всю жизнь,
А не как вон у соседки –
Возле гроба подрались.

Вот хоть взять
Старшего сына:
С детства в пекле городском.
Есть квартира, есть машина –
Что ему отцовский дом?

А меньшей,
Меньшой – строитель:
Нынче – Звездный, завтра БАМ,
Послезавтра – в Сумгаите,
По морям да по волнам.

Дочка?
Дочка ходит в брюках –
Знать, не может платье сшить.
Говорят пошла в науку –
Где такой в деревне жить?
Где ей вьюгу – завируху
Слушать под окном в ночи?

До утра
Не спит старуха.
Все протерла кирпичи.
Сон окутал деревеньку,

Бредит бабка наяву:

- Поживу
Еще маленько,
Право слово, поживу!

Памяти Анастасии Егоровны Востриловой

Егоровна

Как-то вдруг,
Нехворанно,
Умерла Егоровна...

А была бездетною,
Лесу лишь верна.
Знанием трав, секретов их
Чуть не с малых лет своих
Славилась она.

И в места урочные
Берет на семь кругом
Тропками обочными
Шла и в день, и в ночь она,
Как в отцовский дом.

Без семьи Егоровна
Век свой прожила.
Но живой историей
С самых давних пор она
Для села была.

И в селе отныне нет
Кто бы так же мог
Байки знать былинные,
Песни петь старинные
И сплясать в свой срок.

Без родни Егоровне
Жизнь пришлось прожить.
Но в минуту черную
Всех пришедших в горе к ней
Дом не смог вместить.

И несли Егоровну
В путь-дорогу скорбную,
Как сыны и дочери,
Подменяясь, в очередь.
На руках несли ее

В снежном серебре.
А могилу вырыли
На крутом бугре.

Там в любую сторону
Виден лес Егоровне .

Директор совхоза

Он не бог.
Но при любой погоде,
Не любой, какой ни есть, земле,
Может быть, наперекор природе
Должен поставлять народу хлеб.

Рано
Пахарь пашет,
Косарь косит.
Рано выгоняют скот в леса.
Только летом все-таки в совхозе
Раньше всех встает директор сам.

Целый день
На неизменном «газике»
Колесит он, сидя за рулем.
Инженер и зоотехник сразу он
И незаменимый агроном.

Даже дома
Чуть не до рассвета
Спать ему спокойно не дадут,
Потому что на три сельсовета
И Совмин он, и Верховный суд.

Выходных
Не знает до морозов,
Отпусков – хоть не бери по гроб...

Так живет
И так везет свой воз он –
В звании директора совхоза
Атомного века хлебороб!

Кузнец

На пенсию с почетом провожали
Ивана Прохорова, кузнеца.
На торжестве, в просторном клубном зале,
Он загрустил, вздыхая без конца.

Когда ж ему завклубом дядя Костя
Шепнул: «Ждем тост!», в стакан его подлив,
Встал со стаканом он и вместо тоста
Сказал: «Ну вот и списан я в архив...»

Вокруг него, понятно, зашумели,
А Мишка-возчик, первым лоботряс,
От двери крикнул: «Вот уж, в самом деле!
Мне предложи – так я бы хоть сейчас!»

Ему ответил дядя Ваня: «Детство!
Пойми, дурак, я в кузницу пришел,
Когда не только ты - еще отец твой
Пешком ходил, наверное, под стол!

В ней вырос я! У кузницы когда-то
Встречался я с Лукерьею своей.
Из кузницы потом ушел в солдаты.
А из солдат опять вернулся к ней!

И горна не покинул бы пока еще,
Ну, был бы я, положим, садовод
Или, опять же для примера, каменщик,
А то металл – силенка не берет!»

Сказал и сел... вокруг него сумятица,
А он сидит и тягостно молчит.
А по лицу открыто слезы катятся,
Как кузничные искры горячи.

И у сельчан сердца сжимает что-то
И даже Мишке как-то тяжело.
«Найдут, - кричит, - и на твою работу,
возьму да и освою всем назло!»

Сенокос

В то утро
Вновь я был в краю, где рос.
Мы с другом по лесной дороге тряской
Навстречу с юностью – на сенокос
На мотоцикле ехали с коляской.

Как добрый конь,
Шел мотоцикл легко.
И на лугу за лыковой развилкой
Нам повстречался Вовка Рыбаков,
Работавший на тракторной колеске.

Всего семнадцать Вовке. И в луга
Он выезжает затемно, со стадом.

Бахвалится:
- Вчера двенадцать га
Скосил один –
За целую бригаду!

Герой героем!
Но мой друг в сердцах
Заметил Вовке:
- Все ж скромнее можно!
Сам знаешь, что в болотах да в кустах
Коса твоей машины понадежней!

И впрямь:
За речкой Пексой, на бугре,
Поросшем елью да сосною хилой,
Бригада из полсотни косарей
Как встарь, вручную просеки косила.

Был, правда, тут еще и стогомет...
Нам с другом сразу в руки косы дали:
Мол, покажите-ка себя в начале,
А разговор со встречей не уйдет!

О, как вдруг закружилась голова,
Когда коса запела, засверкала,
Когда лесная дикая трава
Предо мной, как в юности, упала!

Но время шло.
Был все лютее зной.
Спина не стала гнуться. И к обеду
Наш бригадир Иван Кузьмич со мной
Уже как с отстающим вел беседу.

Ну, что ж, мол, удивительного нет
В том, что не косишь ты, а землю пашешь.
Мол, знаешь сам, какой десяток лет
Ты не косою, а авторучкой машешь!

Кузьмич как скажет –
Так вопрос ребром.
Меня, конечно, тоже «подкузьмил» он.
- Ты не косою, - говорит, - пером
работай так, чтобы не стыдно было!

А то напишут – все бы ничего:
И ферма с электронною машиной,
И дед, влюбленный в нормы ГТО,
И предколхоза, пишущий картины.
И сам герой, что по ночам жене
Твердит о сдвигах, безупречно трезвый –

Все есть! Но напиши так обо мне –
Из-за угла бы автора зарезал!
Смеялся он:
- Смекаешь?

Я смекал.
Но так и не решили мы вопроса
С опушки дальней прозвучал сигнал 0
Обед в честь окончания сенокоса!

Обед...
И вот у четырех котлов
С ухю и смородиновым чаем
Сошлась семейка в сорок восемь ртов,
Конец большого дела отмечая.

К речам был явно склонен бригадир,
Но про регламент помнила бригада:
- Достаточно, Кузьмич!
Мы все за мир!
За то, чтобы страда прошла, как надо!

Махнул рукой Кузьмич:
- тогда давай!
И точно так же, как и косу, лихо
Взил в руку ложку –
Только поспевай
Носить свои добавки, повариха!

Пришлось ей поработать в этот день!
От Кузьмича другие не отстали:
Иные так умаялись, что в тень
Потом уж по-пластунски отползали!

И уж велся неспешным разговором
О космонавтах, новостях футбола,
О том, с кем Вовка рыбаков забор
До зорьки подпирал вчера у школы.

Уже гармонь нашлась. И у стогов
Такая пляска началась – дай боже!
Такой, кроме родных своих лугов,
Нигде и встретить-то нельзя, быть может:

- Ох, мы от скуки на все руки:
Трактора ли поведем,
Кашу ль с маслом есть заставят-
Никогда не подведем!

- Ох, не сердись моя Татьяна,
что не часто захожу:
Инкубаторских цыпляток
Я в совхозе вывожу!

- Ох, заходи ко мне, милый мой,
Ходи летом и зимой.
Летом пыльно, зимой вьюжно –
Черт с тобой, не больно нужно!

...Была бригада
Как одна семья,
И было для меня огромным счастьем
Вдруг осознать, что к той семье и я,
Как там ни говори, во всем причастен.

И было мне
Опять семнадцать лет,
И был готов влюбиться я в кого-то.
И знал я, что чудесный тот обед
В тот день был мною честно заработан!

Неторопливость

Страда в селе,
День кормит год.
А для гостей здесь – мир покоя.
Им кажется, что жизнь течет
Неторопливою рекою.

Неторопливостью полны
Все разговоры и молчанье
Седых участников войны,
Собравшихся у сельской чайной.

Забыв о тысяче забот,
Неторопливо, как ведется,
Судачат бабы у колодца,
С утра часами напролет.

И трактористы трактора
Выводят так неторопливо,
Как будто не стоит пора,
Когда в селе страдаю живы...

Все так! Но хлеб родит земля,
И в сроки хлеб тот убирает.
А бабы в лес и на поля
И по хозяйству поспевают.

И, весь во власти страдных дней,
Я думаю: «Скажи на милость!
Неплохо б перенять и мне
Такую-то неторопливость!»

Есть на земле
Таинственная сила,
Что заставляет нас порой придти
К тропинкам детства, к дедовским могилам,
К истокам давним своего пути.

Понятней формул
Атомного века
Больнее всех сверхсовременных гроз
Та сила где-то в сердце человека
Шумит листвой родительских берез.

Она пьянит
Куда сильнее, чем водка,
Когда в родном, покинутом краю
Встречаешь ты знакомых одногодков,
Сквозь жизнь пронесших молодость твою.

И только им
Признаешься ты честно,
Что прожил жизнь с мечтою голубой
Об этой встрече, как о лучшей песне,
Что до нее ты не был сам собой!

Ночь остановилась
Возле сеновала.
Ночь меня укрыла
Звездным одеялом.

Чтоб не мог я слышать,
В полночь засыпая,
Как устало дышит
Мать-земля родная.

Чтоб не мог я видеть,
Как из-за крылечка
Новый месяц выйдет
Целоваться с речкой.

И уж я не помню, где земля, где небо.
Навевает сон мне
Теплый запах хлеба...

В совхозной мастерской

Здесь,
В совхозной мастерской,
Стук и грохот день-деньской.

Здесь черны,
Как трубочисты,
Комбайнеры , трактористы,
Боги армии стальной,
Предстоящей посевной.

Что там боги!
Просто люди.
Вот в бытовке – спор опять
Как с оплатой нынче будет?
Где запчасти доставать?

Нет запчасти –
Жди напасти.
Знают все: худая снасть –
Хуже всякого ненастья,
Отдохнуть потом не даст.

Ну, а в смысле прогрессивки –
Тут поймет любой дурак:
Даже чирей на заливке
Не вылезит просто так!

Вон шофер
Сережа Дедов,
Всем известный балагур,
Так сказать, политбеседу
Затекает в перекур.

«Травит» он
Не без бахвальства,
Тесным кругом окружен,
Об иных делах начальства,
О зловредном нраве жен.

У них, мол, общее одно:
Секунд нас, грешных, за вино,
А мы, мол, вовсе и не пьем,
Хотя и на земле не льем

Вот разве что кефир хороший,
Так мимо рта не пронесем!

Тут же бригадир речистый

(Где он слов таких сыскал!)
кроет Кольку-тракториста:
до обеда весь год бы – выходной.

От утра до вечера
Кольке делать нечего.
А язык пополоскать –
Против Кольки не сыскать.
А где кисель – он там и сел,
А где пирог – он там и лег.

Смех и шутки,
Все- экспромтом.
Здесь смолчит лишь тот, кто нем...

Впрочем, графики ремонта
Выполняются меж тем,
И не может быть сомнений
В том, что все идет – дай бог,
Что ребята сев весенний
Проведут, как надо, в срок!

Трактористы

Кто с удочкой
С темна и до темна.
Кто на собраниях слышет речистым.
Но вся округа знает издавна,
Что Кораблевы – это трактористы:

Дед, первым трактористом был в селе.
Отец уж и на пенсии лет двадцать
С комбайном все никак не мог расстаться.
И внуки Кораблевых с малых лет
С железками встают и спать ложатся.

Ну, мастера!
Все, что угодно вам_
Пустить в работу телевизор новый,
Над холодильником «поколдовать»,
Бензопилою распилить дрова –
Да все умеют братья Кораблевы!

А поищи-ка
Ты таких лугов,
Полей, где их машины не бывали!
Моторов гул для них понятней слов.
И слово Кораблевых тверже стали.

А приведись
Им завтра воевать –
Их танк врагу любому будет страшен.
А прикажи Луну им распахать –
Они, ее как миленькую, вспашут.

На месте парни
За любым рулем
Не зря девчонки в дни работы жаркой
Все шутят: Кораблевых узнаем
За полверсты солярки.

Смеются.
Но любая признает,
Что нет в селе ребят умней, красивей...
Вот на таких, как кораблевский род,
Железных людях и стоит Россия!

Пастух

Спокон веков
Был праздником, мой друг,
Тот день, когда, всех подружив с бессонницей,
Впервые после долгих стуж с вьюг
Пастух погонит стадо за околицу.

Рожок играет.
И хотя пусты
Поля и лес за ближнею кулигою,
Коровы пляшут, заломив хвосты,
И как ягнята, ребятишки прыгают.

А женщин,
Женщин сколько собралось!
Для пастуха не жалко наставлений им.
Теперь он в каждом доме – первый гость,
Ему везде почет и угощение.

- Уж ты, чай, знаешь,
Пал Кузьмич, что как.
Там за моей приглядывай Дианкою...

А Пал Кузьмич –
Он тоже не простак.
Он с генеральской держится осанкою:

Да, есть, мол,
Есть электропастухи.
Бесспорны чудеса мелиорации.
А все же кнут, в отличие от сохи,
Не больно по зубам механизации!

Пастух – будильник,
Нарушитель снов.
Встает всех раньше,
Должен знать всех лучше он:
Корова есть основа всех основ
И всякого в семье благополучия.

И потому он
Утром всякий раз
Своим приходом согревает душу вам...

А вспомни, друг,
Когда в последний раз
Ты встал под пение рожка пастушьего?

Почтальон

Кто в глубинке жил,
Тот знает,
Что с каких не глянь сторон,
Очень даже не простая
Эта должность – почтальон.

Пусть глубинка
Нынче славит
Голубых экранов свет,
Попытайся-ка оставить
Ты кого-то без газет!

Тут в округе
Все знакомы,
Знают каждую семью,
Туту и бабушку припомнят
И пробабушку твою.

В то село
Доставить надо
Телеграмму поскорей.
В этот край – посылку на дом,
Больше, чем полпуда в ней!

Сын
Старухе из столицы
Пишет : выслал перевод.
Где гуляет, где пылится
Перевод тот третий год?

Лучшая
Подруга как-то
Чуть не грохнула трюмо:
Нет известий от солдата –
Не скрываешь ли письмо?

А бывает –
В дом заскочишь
Телеграмму передать
И останешься до ночи
Утешать и горевать.

А тебе ведь –
В путь с рассветом...
Кто измерит, сколько он
В дождь и в стужу, в споре с ветром,
В день проходит километров,
Деревенский почтальон?

Что считать?
Про это знают
Только ноги да семья.
Знает почта полевая,
Знает сумка трудовая
(Неподъемная такая!) –
Жизнь твоя, судьба твоя.

Знает тот,
Кому ты к сроку,
Будь то лето иль зимой,
Будь то близко иль далеко,
Постучишь в конверты окон:

- Получите!
Вам письмо.

Новоселье

Этот день
Стал таким многозвонным.
От машин – пыль до неба столбом.
Спозаранку в поселке районном
Шум и гром: заселятся дом.

Ну, и дом!
Всех красивей и выше,
Настоящий морской пароход.
Он в поселке среди прочих домишек,
Как корабль среди лодок, плывет.

- Эх, принимай нас, новый дом,
под широкой крышею!
С каждым новым этажем
К звездам нынче ближе мы!

- Эх, забывай, как старый сон,
Печки да завалины!
Выходи, друг, на балкон –
Городскими стали мы!

- Эх, малость ниже, чем в Париже,
И, конечно, не Москва,
А как милого увижу –
Так кружится голова!

Вон и впрямь уж
Толпой многоликой
На балконах ведут разговор:

- Ну, так как-
Непривычно, поди-ка,
На второй-то этаж, дед Егор?
Значит стали шабры?
Вот судьба-то!

- Да, чудно...
кто бы мог угадать?

- А, поди, не забыл,
Как когда-то

Из Крутца вы ходили в ребятах
К нам в Дубенки девчат отбивать?

- Ну, припомнил в пиру похмелье!
- Да, меж прошлым и новым – межа...
А уж радостный гул новоселья
Разносился по всем этажам:

- Ох, я бывало, в окна гляну –
Милый по воду идет.
А теперь нас с ненаглядным
Разлучил водопровод!

- Ох, на балконе я гуляю
выше сосен и берез.
А миленок караулит,
Чтобы ястреб не унес!

Ну, денек!
Все смешалось: и моды,
И причуды седой старины,
Трактора, самосвалы, провода,
Шифоньеры, серванты, комоды,
Телевизоры и чугуны!

Вон кому-то
Ключи преподносят
Всей бригадой с наказом беречь.
И хозяин уже произносит
Соответственно случаю речь.

Вон везут
Современной работы,
Очень модный, красивый трельяж.
А старушка несет для чего-то
Кочергу на четвертый этаж.

- С кочергой, мать,
Попала ты мимо!
Газ теперь! Забывай на века!
- Что ты! Как без нее-то, родимый?
Нечем будет учить старика!

Вон уж
Магнитофон из окошка
Надрывается джазом – да как!
А в сторонке, как раньше, гармошка
Зазывает девчат на «топтак»:

-Ох, выхожу и начинаю
Потихонечку дробить,
Настроение такое –
У кого-нибудь отбить!

- Ох, не ругай меня, мамаша,
Что сметану пролила.
Шел миленок мимо окон –
Я без памяти была!

- Ох, идет милый по деревне,

Идет, улыбается.
Оказалось – зубы вставил,
Рот не закрывается!

...А когда
Стихли песни и речи,
Новый дом, весь в сверканьи огней,
За сто верст виден был в этот вечер
В океане лесов и полей.

Курс держал он
Рассвету навстречу,
Шел дорогой больших кораблей!

Как дом перевозили

Шла новостройка
В бой на старый быт.
И грянул грозный час для дома этого.
Как дом врага, что на пути стоит,
Он сносу подлежал. Мешал проектам он.

Вы поглядели бы
На этот дом –
На кирпичи фундамента отменные,
На мезонин, на крышу с петухом,
На вековые срубы пятистенные!

Был на домкраты
Поднят старый дом.
И ахнула толпа многоголосая,
Когда он вместе с тем, что было в нем,
В конце концов поставлен на колеса был.

Но рано.
Рано радовался враг!
И не один мотор голодным зверем выл,
Чтоб сдвинуть с места дом тот хоть на шаг,
Чтоб наконец-то с корнем вырвать дерево.

Когда ж
Меж серых каменных громад
Кряхтя, пошел, пошел он к жизни новый дом.
Вся улицы сошлась, как на парад,
На небывалые в округе проводы.

Все повидал он
На своем веку.
Как многим был тот дом дороже золота!
И все без слов желали старику
Найти, догнать свою вторую молодость.

Никто уже не мог
В ту ночь –
Не только рядом, а по всей окрестности.
И дом уехал в свой далекий путь,
Навстречу неизбежной неизвестности...

Наверно,
Будущий историк
В тупик встает:
Что за вид?

Взбегают
Ветлы на пригорок,
Журавль колодезный молчит.
Цветут сады
В дурмане пьяном...

А где дома?
А люди где?
Их что – скосило ураганом?
По вешней унесло воде?
Пожгло огнем?
Побило градом?

Да нет же!
Просто в некий день
Край этот отнесли к разряду
Неперспективных деревень.

Теперь здесь-
Место безымянное.
Лишь в корчах вечной темноты
Вздывают руки деревянные
На бывшем кладбище кресты.

Да средь берез,
В листву одевшихся,
Июньской ночью соловей
Зовет влюбленных разлетевшихся
На встречу с юностью своей.

Ответа нет.
Все выше тянется
На месте изб бурьян густой...
А в чьих-то паспортах останется
Название деревни той!

Близнецы

В деревеньке Заболотной
Где старух да мошек власть.
У доярки Любы – вот вам! –
Сразу двойня родилась.

Сын да дочь –
Как день да ночь.
Оба в мать, оба в отца –
Не проезжа молодца.

А в деревне той едва ли
Не кончалась жизни нить.
Там лет десять не рожали –
Было некому родить.

И теперь
Взглянуть на чудо,
На младенцев и на мать
Прибегали отовсюду
Все, кто мог еще бежать.

И желали дружно люди
Не для красного словца:
В мать красою пусть дочка будет,
Сын силенкою – в отца.

Чтобы кашка-то – из ложки,
Добрый молодец – на ножки,
Чтоб как только повзрослела
Девка красная – за дело.

Чтоб родителям под старость
Радость за детей досталась...

Сразу стало
В доме тесно,
Вспыхнул спор – ножа острей:
Как растить детишек, если
Нет ни бабок, ни яслей?

- Не дадут
Спать малы детки,
А как вырастут – сама
Не заснешь! – кричат соседки, -
Дай бог деток – и ума!

- Надо, -
кто-то вскользь заметил, -

На малюток получить
Документы в сельсовете...

- Да неплохо б и крестить!-

Из угла добавил некто,
Но тотчас же и притих:
Десять верст до сельсовета,
А до церкви - сколько их?

И сказал
Отец смущенный:
- Ну, зачем так? Век не тот.
Все оформим по закону,
А отметим-как народ!

Все на том
Сошлись охотно,
Праздник в доме:
В кой-то раз
В деревеньке Заболотной
Сразу двойня родилась...

Жизнь начиналась
Все-таки с деревни.
Ценой нечеловеческих трудов
Мы шли от неустроенности деревней
К комфорту современных городов.

Мы корчевать и засевать болота,
В лесных чащобах тропы прорубать
Учились перед тем, как самолеты
И синхрофазотроны создавать.

Путь за сохой, необозримо длинный,
По грешной, кровью политой земле
Прошли мы перед тем, как сесть в кабины
Могучих межпланетных кораблей.

И как бы ни легко в грядущем было –
Потомки даже через сотни лет
Поймут: недаром в лошадиных силах
Мы измеряем мощности ракет!

Деревенский звездочет

Брат деда моего,
Василь Григорич,
Премудрый был, занятный старикан.
Постиг он грамоту. От моря и до моря
Прошел сквозь смерть. Лишения и горе
В борьбе за власть рабочих и крестьян.

Любил он с детства
Книжки да газеты.
Бывало, хлебом не корми его –
Дай рассказать о звездах да планетах,
О кознях наших классовых врагов,
Или о том, что скоро можно будет
С полатей повидать Москву саму...

С Василь Григорычем считались люди,
Шли за советом в трудный час к нему.
Он был судьей в большом и малом споре,
Хоть кое-кто нет-нет да и ввернет:
Мол, что вы! Это же Василь Григорыч!
Он не приврет, так дня не проживет!

А у него
И для таких найдутся
Слова в ответ.
Он, не успеешь оглянуться,
Уже противнику – вопрос ребром:
- Умен, мол, ты!
А слышишь, как дерутся
На колокольне муха с комаром?
Тот и разинет рот...

А то, бывало,
Василь Григорич скажет:
- Вот слышал я,
В Крыму получен дивный урожай.
Картошка вырастать по пуду стала!
Съешь пару-тройку – и ходи гуляй!

И что ж?
Иной, начав от магазина,
Разносит эти новости окрест,
Пока ему не скажут:
- Эх, дубина!
Да кто же враз по три-то пуда ест?
Тебе ль
С Василь Григорычем тягаться?

А дедов брат

Глядит из-под руки,
Смеется...
Почему не посмеяться,
Покуда есть на свете дураки!

Первый радиоприемник

Село, наверное,
Поныне помнит,
Как плотник наш, Михеев Пантелей,
Привез впервые радиоприемник
С запасом тяжелых батарей.

Пришло народу...
Хочешь иль не хочешь,
А принимай. Не только что в избе –
И под окошком слушали до ночи,
О чем поют и говорят в Москве.

Росла молва.
Все те, кто похитрее,
О чудесах судача так и сяк,
Старались быть поближе в Пантелею,
А он, понятно, тоже не дурак:

По вечерам
Стал запирается плотник,
Лишь свояку при встречах говорил:
- Все спишь? Послушать радиоприемник
Зашел бы!
Тот, конечно, заходил.

До полночи
Торчал с одной заботой –
Хозяина-хитрюгу ублажить:
- Ну, и башка ты, Пантелей Федотыч!
Та как в столице! Что тебе не жить!

Ломался Пантелей:
- Осечка вышла!
Спешил – купил не больно-то хорош!
Есть и почище. И Москву в них слышно,
И через них в Москву кричи что хошь!

Ему прощали
Похвальбу мужчины,
А женщины – все давние грехи.
От дочки Пантелея, Валентины,
На шаг не отходили женихи.

И всех, конечно,
Зависть разбирала,
Старались все... да что там говорить!
Такой же ящик все село мечтало,
Пускай не враз – со временем купить!

И вот - сбылось.
Стоят в селе антенны.
Над каждым домом, их не сосчитать.
Сменив на телевизор современный,
Сам Пантелей забросил ящик в сени...

А зря.
Его в музей бы надо сдать!

Все верно!
В звездную эпоху
Нельзя лампадки славить свет,
На трактор сев, петь гимн сохам
И звать к телегам от ракет.

Все знаю!
У эпохи каждой –
Свое движение души.
И из домов многоэтажных
Я не зову вас в шалаши.

Деревня
Прежней быть не может.
Она все ближе каждый год
Подходит к городу...

Но все же
Совсем она в нас не умрет.

Недаром
В сквериках, зажатых
Меж зданий, взмывших к облакам,
Как на завалинках когда-то,
Мы сходимся по вечерам.

Недаром
От забот привычных,
Как только стает снег с полей,
Мы мчимся в душных электричках
К земле проснувшейся, к земле.

И плачем мы
В ночи бессонной,
Когда, дыханье затая,
И выключив магнитофоны,
Вновь слышим трели соловья!

Мне уже,
Как видно, не пройти
Ни по лунным скалам,
Ни по Марсу.
С детства звали
Звездные пути,
Да с Земли я
Так и не поднялся.

Все заметней годы,
Все сильнее
Власть Земли,
Недугов и покоя.
Все трудней
С другими на равнее
До мечты
Дотронуться рукою.

Суждено
Ходить мне по Земле,
Но я знаю,
Твердо верю в это:
Сын иль внук мой
Через много лет
Полетит к неведомым
Планетам.

Довершит он
То, что я не смог,
Мир чужой
Моим окинет взглядом...

Ты сквозь годы
Слышишь ли, сынок?
Я в твой звездный час
С тобою рядом!

Когда-нибудь
Фотонная ракета
Быстрее, чем время, ринется вперед.
И люди, к звездам взмыв в ракете этой.
Домой вернуться лет через пятьсот.

Корабль их
В двадцать пятый век прибудет.
Как трудно будет Землю ни узнать,
Как в новом мире будут эти люди
О нас, родных и близких, тосковать!

Окружат их
Совсем иные лица.
Потомки, обступив со всех сторон,
За нас обнимут тех, кто смог пробиться
Сквозь бездны расстояний и времен.

Впервые зримо
Встретятся два века.
И прогремит победный гром ракет
Над всей Вселенной гимном Человеку,
Свершеньям наших, первых звездных лет!

Полет

Я с самолета
В первый раз с волнением
Увидел вдруг,
Насколько ленты рек,
Сама Земля
Огромнее селений,
Полей –
Всего, что создал человек.

За восемь километров
Над Землею
Я размышлял,
Как власть его мала,
Пока не вспомнил:
В небо голубое
Меня людская сила
Подняла.

Я там ее
Представил ощутимо,
Она была
Куда мощней земной...
Хоть в жизни раз
Нам всем необходимо
Подняться над Землею,
Над собой!

Метеорит

Власть его земная одолела
В голубой космической дали.
И тогда понесся он, нацелясь
В темную громадину Земли.

И пылал в красивом, ярком свете
Прежде, чем погаснуть навсегда.
- Падает звезда! – кричали дети
хоть метеорит и не звезда...

Сон

Старый друг мне приснился.
Такой, как тогда,
В наши с ним молодые
Былые года.

Будто он на трибуне.
Он честно громит
Тех, кто в зале
Со мною бок о бок сидит.
Будто взглядом своим
Просит он: «Помоги!
Это ж общие
Наши с тобою враги!
Встань!»

А в зале
Знакомые люди сидят:
С полдесятка хапуг,
Карьерист, бюрократ.
Все завистники здесь
И квартирный сосед,
С кем свяжись –
Не развяжешься тысячу лет.

Трудно встать мне
И трудно себя превозмочь,
Только надо ведь,
Надо мне другу помочь.
Я встаю рядом с ним
Пред самой бедой,
Как тогда, несдающийся
И молодой...

Знаю:
Это не друг
Снится мне по ночам –
Снится юность,
В которой начало начал.
Не дает жить спокойно
Ни ночи, ни дня,
Проверяет далекая юность меня.
И чем дальше по жизни,
Тем больше, сильнее
Рад я с юностью встрече –
Хотя бы во сне.
Рад, что молодо сердце
Невзгодам назло:
Где-то другу непросто –

И мне тяжело!

Стенки

На Руси
В былые годы
Вместе с рпаздничной гульбой,
С песней, с шуткой – у народа
Был в чести кулачный бой.

Эх, стенка против стенки!
Пусть не дрожат коленки!
Бей с размаху – не гляди,
Что там будет впереди!
Да блюди обычай строго:
В бой свинчатку не носить,
Ниже пояса – не трогать
И лежачего – не бить!

Но ничто
Не вечно в мире,
Новый век – иная статья.
Нынче принято в квартире
Модной «стенкой» с ног сбивать:
Эх, глянь, как стенка-то сверкает,
Да припомни-ка свою!
Так тебя и закачает,
Как в кулачном том бою!
Эх, стенка против стенки!
Когда накопишь деньги –
Поживешь и ты в тиши,
Тогда нам грамотки пиши!

Что же?
Вроде бы запрета
Никому на стенки нет.
Лишь от нас бы стенка эта
Не закрыла белый свет.
Эх, стенка против стенки,
По шапке и по Сеньке!
В Москве и в деревеньке –
К комфорту, к красоте...
Вот ведь время как чудачит:
Вновь, как встарь в бою кулачном,
В моде стенки – да не те!

По грибы

Цивилизацией
Не обойдены мы.
Как будто оторвались от земли.
Но что творится днями многозвонными,
Когда разносится по городку районному:
- Грибы пошли!
- И ягоды пошли!

И нет, не потому,
Что на базаре бы
Ты ягод и грибов достать не смог,
Встаешь ты в час, когда багровым заревом
Заполыхает утренний восток.

Идешь ты на большак
И «голосуешь» там
За радость дальних троп и новых встреч,
За избавленье от толкучки суетной,
За ветер странствий, рвущий куртку с плеч.

И будет
На волнах своих качать тебя
Живой, зеленый океан лесной.
И ни асфальтов нет, ни указателей.
Готов обняться ты, как в детстве с матерью,
С любой березкой, с каждой сосной.

И не беда,
Коли при всем старании
Без тяжких нош покинешь ты леса.
Ты принесешь домой земли дыхание,
Трав запахи и птичьи голоса.

И средь зимы,
С морозом и с порошею,
Все это вновь ворвется в дни твои
Как лист кленовый, кем-то в книжку брошенный,
Как сон о первой, памятной любви!

Рыбалка

Ну, что – рыбалка?
Так, потеха, вздор,
Но сын мой, воспылав рыбацким жаром,
И слушать не хотел, что до сих пор
Ловил я рыбу только по базарам.

И вот уж мы –
Я, сын мой, сынов друг –
Шагаем к нашей речке, рассуждая
О том, что будет, если мы – а вдруг! –
Ну, скажем, щуку в метр длиной поймает.

Все просто в девять лет...

Да я и сам
В душе прикладывал:
- Ну, что же, если честно –
Набраться хватки, нужной рыбакам,
Ума – пока что нигде было нам,
Но дуракам везет, как всем известно!

А в речке
Вечером горит закат.
В ней отражается вся даль Вселенной.
И удочки над бездною торчат
По берегам, как чуткие антенны.

Казалось бы:
Бросай себе крючок
И вынимай не только рыбу – звезды!
Но я-то вскоре убедиться смог,
Что стать заправским рыбаком не просто.

Все вроде бы как надо:
И червяк,
И взмах руки – а поплавок ни с места,
А тут застрял крючок среди коряг,
И оборвалась новенькая леска.

А тут, как видно, задремав, мой сын
Чуть в воду с берега вдруг не сорвался...
Хотя бы один малек, хотя б один
Нам на три удочки на смех попался!

Таким вот был он,
Первый наш улов.
И если б слышать вы в тот раз могли бы,
Как били нас картечью голосов:

- Эй, рыбаки! А где же ваша рыба?

Но шли
Мои герои под огнем,
По сторонам посматривая смело.
И видел я, что мы еще придем
Сюда, на речку, рыбу мы найдем,
Со дна возьмем...
Да и не в рыбе дело!

Баня

О, баня –
Это целое событие!
К нему готовятся, составив план,
К моряки готовятся к отплытию
В безжалостный, но милый океан.

В свой день и час
Так сладостно шагать в нее
Под вечерок в компании друзей,
Любые отменив мероприятия
И не страшась любых очередей!

Ты выбираешь
Веник взглядом опытным
И, сразу чувствуя, что есть парок,
С мороза попадаешь прямо в тропики,
На самый верх, на огненный полук.

Уж здесь – держись!
Не жди, друг, снисхождения.
Здесь ни чинов, ни званий – ничего.
В парной, в хлестани горячих веников,
Вопрос стоит открыто – кто кого!

Здесь сразу видно,
Кто герой и сдался кто,
И то, как в дымком облаке паров
Прет из-под только снятых модных галстуков
Наружу деревенское нутро.

А тем,
Кто не выносит духа банного,
Здесь скажут напрямик:
- Нет, брат, шалишь!
Ступай-ка ты в свое корыто в ванную,
Там не вспотеешь и не угоришь!

Но ты – герой,
Ты, - свой экзамен выдержав,
В предбаннике, к стене припав плечом,
Толкуешь о хоккее, граде Китеже,
О космосе – да мало ли о чем!

Потом – второй заход
И третий делаешь.
И так – пока, распаренный до слез,
Не вылетаешь пулей ошалелюю на мороз.

Теперь стой.
Взгляни, как звезды светятся.
Как спят вокруг деревья и кусты.
Ты словно с детством деревенским встретился,
Как будто заново родился ты.

Чист, словно первый снег,
Шагай по праву
По улицам пустынным не спеша.
Пей чай свой, лимонад или какао,
Или чего там требует душа!

На скамейке

На скамейке у подъезда
Летом с утренней зари –
Словно в ложе для оркестра
Или за столом жюри.

Все, что хочешь, те скамейки –
Отдых после дня труда,
Средство скрыться от семейки,
Зал народного суда.

Здесь от взглядов откровенных
Что-то скрыть – и думать брось.
Здесь просветят, как рентгеном,
До костей тебя, насквозь.

Здесь болеют –
Хоть не пьют! –
С чужого похмелья.
Здесь такое отольют –
Не съешь три недели.
Скажут с уха на ухо –
Пойдет звон с угла на угол:

- Наш сосед-то, Пал Егорыч,
какого деньгу гребет!
Снег зимой продаст не скоро,
И дерьмо-то тащит в рот!
Чтоб урвать барыш грошовый,
Съест живьем отца родного!
Что ему права – законы,
Если судьбы все знакомы!

- А у нас в подъезде звон-то!
Дамочка невестится.
Так вот и вертит хвостом-то,
Бабушке ровестница!
Все, что стыдно да грешно,
То и в моду вошло!
Нет, хорошее лежит,
А плохое-то бежит!
Какого ведь пава,
Такова и слава!

- Молодежь-то нынче что-то
больно озорна пошла:
как накинута в семь глоток –
чуть отлаешься одна!
Ты им словно – они двадцать,

Им по морде – они драться!
Враз согнут тебя в дугу –
Даже не попарят!

На скамеечном кругу –
Тары – растабары.
День-деньской не разойдутся,
Кости ближних беребя...
Туту вся мудрость – не коснуться
Невзначай самих себя!

Гармонь

Мне кажется:
Безвестный мастер древний,
Вложивший в инструмент души огонь.
Придумал специально для деревни
Лихую, голосистую гармонь.

О, как вздыхают девушки украдкой,
Как парни дружно лезут в хоровод,
Когда выходит на село двухрядка,
Когда она под вечер запоем!

А честь
От всех какая гармонисту:
- Сыграл бы!
- Наигрался через край!
- Да брось, Василь Иваныч!
- Не ленись ты!
- А что сыграть?
- Да знаешь сам!
- Сыграй!

И только он
Басы рукою тронет -
Прочь грусть – тоска...

А как на праздник быть?
Как обойтись на свадьбе без гармони?
Как без нее в солдаты проводить?

Да без гармони – как зимой без снега,
Как летом без погожих дней. Она
Была в хозяйстве так же, как телега,
А временем – и более нужна...

И пусть порою
В городах и в селах
Гармошку заглушает моды крик,
Теснят транзисторы да магнитолы,
Как вытеснил телегу грузовик -

Гармонь в отставке никогда не будет,
Она так просто не отдаст свое.
Ей памятник еще поставят люди
За службу безупречную ее!

Проводы

Так уже заведено когда-то,
Кем заведено – и не поймешь.
Только к уходящему в солдаты
С вечера приходит молодежь.

- Ох, тише, маменька, не вой,
Я теперь уже не твой.
Нашей Родины советской
Я защитник молодой!

А потом заветную трехрядку
Отбирают у него дружки.
И вздыхают женщины украдкой,
И улыбки прячут старики.

- Ох, ты, гармошка весела,
Проводила из села.
Все ты песни мне пропела
И как будто не была!

На большак, до памятного места,
Будут парня двое провожать:
Песней с ним расстанется невеста
И напутствие последним – мать.

- Ох, ты зачем, дорога длинная,
Столбов наставила?
Разлучила нас с девчонкой –
Почте дел прибавили!

А потом один по косогору
Зашагает дальше молодец
Столбовой дорогой, по которой
Уходил на фронт его отец...

А солдатская работа
Требует сноровочки.
У солдат одна забота –
Меткая винтовочка.

Ох, ты гуляй-ка, молодежь,
Пока в армию пойдешь.
В армии побудете-
Гулянки позабудете!

Пластинка

Я собирал по селам песни.
И вдруг узнал: ходи хоть год –
Грачевой бабки интересней
Никто в округе не споет.

Та бабка древняя сидела
С внучонком, сторожила дом.
Поговорил я с ней и - к делу:
- Так как, бабуся, не споем?

- Нет, милый!
Зря назад лет двадцать
Со мною не был ты знаком
Тогда бы если повстречаться.
Так спели б мы со стариком!

Бывало, с ним на сенокосе
Как заведем – замрет в тот миг
Весь луг...

- А коль сейчас попросим?

- Да помер, помер он, старик!
А пели как! В котором годе,
Не помню, так же приезжал
Гость из Москвы. Так при народе
Нас на пластинку записал!
Найти бы вот пластинку эту...

- А может все-таки споем?
- Да есть же ведь пластинка где-то!
- Не обязательно вдвоем!

...Мы бились целый час наверно,
Кричали, спорили, пока
Не убедился я: все верно.
Нет, ей не спеть без старика!

Стараясь, видимо, крепиться,
По-бабьи вдруг не зареветь,
Она сидела, словно птица,
Которой больше не взлететь.

Сидела, теребя косынку,
С плеча сползавшую на грудь,
И все твердила:
- А пластинку
Найдите все же как-нибудь!

Свадьба

В доме – свадьба.
Вот жених
На почетом месте.
Словно скованный. Притих.
Плохо и невесте.

Неспроста грустят они –
Им здесь трудновато!
Столько за столом родни,
Столько всяких сватов!

Все на страже, все следят,
И следят умело:
Это делай, как велят!
Этого не делай!

Старших в доме почитай!
Прочих – честь по чести!
Слишком много не болтай!
Не клонись к невесте!

Да поймай-ка голубка,
Покажи-ка удаль!
Он из тряпок! С потолка
Сыплет солью в блюдо!

Коль поймашь – спору нет,
Дорога милаха!
Не поймашь – тот обед
Съесть заставит сваха!

Вышла сваха на простор –
Не уважишь скоро:
Ноги – с подходом,
Руки – с подносом,
Голова – с поклоном,
Язык – приговором!

- Как у нашей молодой
Брови черны, нос кривой!
Брови черны по природе,
Нос кривой по новой моде!

- Про миленка говорили:
Свеклу парену не ест!
Я вчера его видала:
С головой в чугунок залез!

...Вышел дружка.
Главный тут.
С ним поди, поспорь-ка!
Гости вдруг как заревут
В сорок глоток:
- Горь-ка-а!
- Горь-ка-а!
- Горь-ка-а!
Стон кругом.
Стихнет чуть – и снова
Стонут гости, стонет дом,
Стонет пол дубовый.

Вышли гости поплясать
Кто кого сильнее?
Свадьба – это не пахать
Или, скажем, сеять!

Как живой, затрясся дом.
Гости дорогие
Зверствуют...

А за столом
Дремлют молодые.

Их к утру забыв, в углу
Уползают сваты.
Разгружаются столы
От еды богатой.

Затихает шум и гром.
Остаются вместе
Лишь невеста с женихом
Да жених с невестой.

Остаются двое – вновь
Ласкою согреты...

Продолжается любовь,
Кончились запреты!

Первая любовь

Шестнадцати – к тому ж неполных – лет,
Совсем еще неопытным мальчонкой
Я встретился в родном своем селе
С ней – самой лучшей на земле девчонкой.

Тогда-то мир открылся предо мной:
С апрельской предрассветной тишиною.
С ручьями и с капелями. С луной,
Повисшею над самой головою,

Тогда-то понял я, что все легко:
Добыть Жар-птицу. В Антарктиду съездить.
С крыльца рукой достать до облаков.
До самых дальних от Земли созвездий.

Тогда-то я в первый раз заговорил.
О, как я каждый вечер вдохновлялся,
И как я горевал, и как смеялся,
И как я ненавидел и любил!

Теперь я так, конечно, не горю:
Закрыта та далекая страница,
Но каждый раз судьбу благодарю
За то, что мне порой все это снится.

За то, что сердце тот огонь хранит,
За то, что женщина одна – совсем чужая!-
При встречах неизменно говорит,
Что и она об этом вспоминает.

Я слушаю ее. но я молчу.
И ухожу, прощаясь раньше срока,
Не рассказав о том, как я хочу
Хотя б на час опять туда, к истокам!

Я ухожу.
Мне надо уходить,
Чтоб не будить, чтоб не тревожить слишком
Того, что невозможно возвратить,
Как невозможно снова стать мальчишкой!

Встреча

Когда я,
Все прокляв на свете,
Вошел из тьмы в вагон, она
Сидела, даже не заметив
Дождя за шторами окна.

Как в городской своей квартире,
Привычной, обжитой давно.
Как в неземном, особом мире,
Куда не всем войти дано.

Не всем.
И я заметил сразу,
Что, отличаясь от других,
До голенищ болотной грязью
Мои покрыты сапоги.
Что ватник вовсе промочило
И что уже порядком худ
Мой плащ...

А ехать нужно было
Каких-то двадцать пять минут.
Я ехал, собственно, по делу –
На первой станции сходить...

И вдруг до боли захотелось
Про все дела свои забыть.

Забывать, окончить счет минутам
И за проснувшейся мечтой
По жизни дальнего маршрута
Поехать с девушкой той.

Вот только бы она сказала...
Уйти?
Или остаться тут?
Да? Нет?

А ехать оставалось
Уж каких-то пять минут.
Четыре, три...
Я поднимался,
Садился за вагонный стол.
Я колебался. Разрывался.
Решал остаться.
И ушел!

Ушел...

А через много лет. Как юность,
Она, такой же, как была,
В душе моей задев все струны,
Вчера во сне ко мне пришла...

И вновь
Жалел я,
Что не плюнул
Тогда на все свои дела!

///

В час горестный,
Припомнив прошлое,
Обиды давние свои,
Я думаю:
Ну, что хорошего
Я видел в жизни от любви?

Да, были
Под луной свиданья
И трепет обнимавших рук.
А сколько ссор, непонимания,
Напрасных вздохов и разлук?

А сколько
Гор не сдвинул с места я
И сколько с неба звезд не снял
Лишь потом, что кто-то честно бы
Тех звезд не принял от меня?

А сколько
Глупостей наделал я,
Когда гулял он, зов любви,
То белой вьюгой озверелою,
То пламенем в моей крови?

И так же ведь мутился разум
У всех, наверное, в свой час...
Что? Не было у вас? Ни разу?
О, как друзья, мне жалко вас!

Письмо

Я был захвачен вихрем быта.
И вдруг в тот быт, в толкучку дней
Пришло письмо из позабытой.
Далекой юности моей.

И вдруг, как прежде, сердце сжало
Все то, чего, казалось. Нет.
И вдруг. Как в сказке доброй, старой,
Мне стало вновь шестнадцать лет.

И думалось не шутки ради:
Что общего имею я
С тем дядей, что с зеркальной глади
С усмешкой смотрит на меня?

И стало непонятно: как же
Я до того не замечал
Всех этих по-хозяйски важных
Шкафов, сервантов и зеркал?

И захотелось вдруг на волю,
В тот край. Где в жизнь пришлось вступать,
Где я когда-то в чистом поле
Да звезд рукою мог достать.

И пусть всесильно время – поздно
Лететь мне в дальние края,
Пусть дарит там кому-то звезды
Другая юность, не моя –

Спасибо, жизнь, тебе за это:
За то, что вновь в толкучке дней
На миг душа моя согрета
Письмом из юности моей!

Воспоминание

Я помню:
Шли грузовики
В степи растянутым обозом.
И ветер
Плакал от тоски.
И ноги
Были от мороза.

Мы не спаслись
От стужи сном.
И друг мой вспомнил,
Как бывало,
Давным-давно,
В краю ином
Любовь его отогревала.

Твердил он:
«Были время...»
Но все же мы
Понять сумели,
Что и сейчас вела она
Его сквозь ветры
И метели.

Вела она...
И столько в ней
Тепла, в такой далекой, было,
Что нам его
Для трех парней,
Любви не видевших,
Хватило!

Не сложились стихи...

И опять
Сердце властно и смело
Сжало что-то такое,
А что – не пойму.

Словно
Друг мой,
Задумав недоброе дело,
Опозорил меня
И упрятал в тюрьму.

Словно
Женщину я
Оттолкнул незаслуженно грубо
И теперь
Потерял свое счастье наверняка.

Словно
Вышел на сцену
Знакомого сельского клуба
И сказать ничего не могу
Дорогим землякам...

Слово о матери

(Поэма)

Был день. Как день.
Покрыт был снежной шалью
Простор пустынных, неживых полей.
Под вой метели в землю опускали
Гроб белый с телом матери моей.

Был день, как день.
Рождались, гасли звезды.
А шар земной вращался и гудел.
Наверно, где-то тысячи серьезных,
Необходимых совершалось дел.

Мир жил, как жил.
И ни в одной газете
Никто о смерти той не сообщал.
Никто не знал, как много с гробом этим
В тот горький день я в землю опускал.

А для меня
Все то. Что есть и было,
Всю жизнь, все окружение мое
Смерть матери навечно разделила:
Вот это – с ней, а это – без нее.

Мир раскололся,
Стал он непонятным,
Незримой перерезанным чертой.
Дела, слова, рассветы и закаты –
Вокруг все то же вроде, да не то!

Как будто бы
Дорогой незнакомой
Взошел я на какой-то перевал
И с высоты нелегкого подъема
Все прожитое мною увидал.

Как будто
На приметной той вершине
Всем сердцем осознал я наконец:
За все я отвечаю сам отныне,
Уже не сын теперь я, а отец.

Все увидел я,
Оценил, припомнил,
Что не ценил когда-то, не берег.
И понял вдруг, что никогда никто мне
Уже не скажет ласково: «Сынок!»

И увидел я,
Возвратясь к истокам:
Снарядом, мчавшимся сквозь времена,
Не знающим ни промахов, ни сроков.
Разящим беспощадно и жестоко.
Она убила мать мою – война!

Мы были
Поколеньем безотцовщины.
Во дни грозы военной всякий раз
В лесах Заволжья, на полях Тамбовщины
По матерям и называли нас.

Тот – Колька Нюрин,
Этот – Петька Тонин.
Все равно детства лишены войной.
И мать, бывало, жестокою ладонью
Погладив загоревшее лицо мне,
Словно со взрослым, говорит со мной:

- Что ж делать, трудно,
да негоже гнуться нам!
Мне тоже вот в иные времена
На детство-то досталась революция
Да плюс к тому гражданская война!

В двенадцать лет
Отца я схоронила.
И дом наш в тот же год сгорел дотла.
А четверо у матери нас было.
И старшей я из четверых была!

Враз повзрослела!
Жала и пахала,
И нянчила детей порой ночной.
А уж семнадцать лет-то я встречала
На торфоразработках под Москвой!

Там мы
С твоим отцом и поженились.

Да в общежитьи чуть не года три –
Представь-ка! – в общей комнате ютились
(Конечно, ширмами разгородились!)
три парня холостых да две семьи!

Но знай, сынок,
Все это бы – полгоря.
Мы тоже, трудности познав сполна,
По-человечьи зажили бы вскоре,
Когда бы не проклятая война!

Война...
От нас за дальними горами,
За темными лесами шла одна.
И все же в детстве после слова «мама»
Словом вторым для нас было – война!

И сколько б зим
И весен ни промчалось,
Мне не забыть той страшной тишины,
Что на село родное опускалась
И бомбою порой от слов взрывалась
В сердцах людей вдали от гроз войны.

Как ночь,
Так ни огня в селе, ни звука...
Зря керосин не тратя, в чей-то дом
Сойдутся, сядут у коптилки кругом
Солдатки – кто с вязаньем, кто с шитьем.

И речь ведут
Неспешно и негромко
О том, когда пахать, когда косить,
О том, кому сегодня похоронка,
О том, кто завтра может получить.

И кто-то
Скажет, дрему прочь отбросив:
- Да, здесь-то что! Нам беды не страшны!
А вот как там-то! Расскажи, Федосья,
Как под Москвой ушла ты от войны!

А мать моя вздохнет:

- Да что рассказывать!
Другим-то было потрудней, чем мне:
Пред тем, как подойти к Москве войне,

Отправить догадались сына сразу мы
Сюда, в деревню, к мужниной родне!

И вот:

«Враг у ворот! Эвакуация!»
Ну, муж – на фронт. Как в воду, без следа.
А на вокзалах – давка. Где пробраться там?
Вернулась я домой. Куда деваться-то?
Два платья – в узел. Да пешком сюда!

- За сотни верст – пешком?
- А как же? Мало ли
нас, беженцев, в тот трудный год брело?
Под бомбами, не днями – месяцами шли,
Все то, что было нажито – оставили,
Война – хапуга бросили в хайло!

- А вот ты вновь,-
Пусть глиною обмазанный,
В войну построенный да несуразный он,-
Какой ни есть домишко завела!

- Так ведь в моих-то шальных,
кофтах вязаных,
считай, сегодня ходит полсела!
Ну, и колхоз помог, конечно, тоже мне...

И мать качала грустно головой:

- Да что!
Все мы солдаты,
Все похожие,
Все мы единой связаны судьбой!

Солдаты...

Да, в годину ту несладкую
Не зря – такое зря не говорят! –
Назвали наших матерей солдатами,
Достойными своих мужей – солдат!

И что там спорят,
Чем трудна война была,
Когда второй бы фронт открыть должны?
Он матерям, нашей русской бабою,

Открыт был в самый первый час войны!

Не день один,
Не месяц и не два они –
В тревогах, в напряженьи, как в бою,
Годами жили, сдав без колебания
В фонд обороны молодость свою!

Им не пришлось
Ходить в нарядах модных.
Им хлеб поры военной привелось
Делить, как драгоценность, в год голодный
Чтоб мы, их сыновья, могли сегодня
Писать поэмы и взлетать до звезд.

Это они
Снопы в полях вязали,
Дрова рубили средь лесных чапыг,
Весною землю на себе пахали
И о себе с усмешкой распевали:
«Я бык и лошадь, баба и мужик»...

Это они
Великими заботами
Спасали то, чем мир сегодня жив.
И столько лет за «палочки» работали,
За трудодень свой, что скорей для счета был,
Ни пенсий, ни наград не заслужив.

И в День Победы,
Под оркестры медные,
Пришлось им чашу горя пить до дна:
Нет, не пришли мужья их в час заветный к ним,
И в мае сорок пятого, победного.
Для матерей не кончилась война!

Война
Для них не кончалась...
Была она,
Пришедшая к победным рубежам,
На всю жизнь, до последнего дыхания
Дана судьбою нашим матерям.

И отгремев,
Со всею силой грозную
Она их была в тишине ночной

То памятью о тех, кто не пришел с нее,
То новой неурядицей колхозною,
То злой послевоенною нуждой.

Легко ль?

А моей матери – особенно:
Все сверстники мои со школьных лет
Работали. А я – то чем помог бы ей?
Я шел учиться в университет.

И сколько

Гор хлебов она взрастила,
Сколько вагонов дров перенесла,
Сколько стогов до неба накосила,
Сколько полов гектаров перемила,
На сколько сотен плеч одежду сшила,
Сколько ночей она не доспала!

Тянулась в струнку,

Не могла иначе:

Вот только б сын диплом смог защитить,
Вот только б он скорей работать начал,
Вот только б семьей ему удача,
Вот только б внуков малость подрастить...

Мать жизнью собственной

Мне в жизнь пути мостила.

А как трудились весь свой вдовый век,
Какой еще поныне живы силой
Те, у которых нас, таких-то, было
По пять, по шесть и больше человек?

С несчитанном

Долгу пред матерями

Мы с самых дней младенческих своих.

Но как же мало бережем мы их,

Покуда гром над головой не грянет!

Покуда, как в свой час отцов в сражениях,

Смерть на ходу не скосит матерей...

А может быть и хуже. Смерть – мучение.

Она досталась матери моей.

Час пробил.

Не искала мать покоя.

А туту устало в комнату вошла

Взялась за сердце дрогнувшей рукою.

Села на стул – и встать уж не смогла.

Всю жизнь
То в хлебе, то в людском внимании,
То в справедливости нуждалась мать.
А туту вдруг просто воздуха, дыхания,
Жизни самой ей стало не хватать!

Т сколько ж
Нужно было силы воли,
Чтоб ей с неукротимостью своей,
Вдруг став подбитой птицею в неволе,
Лежать в кровати, подавляя боли,
Три сотни дней и столько же ночей
И таять на глазах...

А чем поможешь?

Вот разве только
Вспомнишь, что и ты,
Не сознавая сам того, быть может.
Беспечностью своей ускорил тоже
Ей путь до этой горестной черты?

Припомнишь,
Как бывало ей несладко
Не от одних военных только ран?
И сколько слез она лила украдкой
В то время, как ты был и сыт, и пьян?

И как теперь
Ты встанешь перед нею?

Но суету сует
Отбросив прочь,
И в лапах смерти
Мать была сильнее
Меня, ей опоздавшего помочь.

Все было ясно.
И речей бодрящих
Не слушай, не споря зря с судьбой,
Мать, как жила – без жалоб, по-солдатски –
В путь безвозвратный собиралась свой.

Ни в чьих ошибках,
Попусту не роясь,
Спешила мать у жизни взять расчет,
Как будто можно опоздать на поезд,
Который в вечность отойдет вот-вот.

И если

Ей болезнь вздохнуть давала
Хотя б на час – не то что на полдня,
Мать, за стену держась рукой, вставала,
К окну садилась, шила и вязала:
«Потом все как найдете без меня!»

Своей заботой,
Даже умирая,
Хотелось бы ей целый мир обнять...

Но как же
Перед смертью не хватает
Не лет, не месяцев –
Хотя бы дня!

И мертвый холод
Вечного покоя
В конце концов в свои права вступил
Не потому. Что мать сдалась без боя –
Нет, просто больше не осталось сил!
И как теперь
Ты встанешь перед нею?

Но суету сует
Отбросив прочь,
И в лапах смерти
Мать была сильнее
Меня, ей опоздавшего помочь.

Все было ясно.
И речей бодряцких
Не слушая, не споря зря с судьбой,
Мать. Как жила – без жалоб, по-солдатски -

В путь безвозвратный собиралась свой.

Не о себе –
О людях беспокоясь,
Она свершала с жизнью свой расчет,
Словно боялась опоздать на поезд,
Который в вечность отойдет вот-вот.

И если
Ей болезнь вздохнуть давала
Хотя б на час – не то что на полдня,
Мать, за стену держась рукой, вставала,
К окну садилась, шила и вязала:
«Потом все как найдете без меня!»

Своей заботой,
Даже умирая,

Хотелось бы ей целый мир обнять...

Но как же
Перед смертью не хватает
Не лет, не месяцев –
Хотя бы дня!

И мертвый холод
Вечного покоя
В конце концов в свои права вступил
Не потому. Что мать сдалась без боя –
Нет, просто больше не осталось сил!

Она ушла.
Но в жизни быстротечной
Оставлен ею свой, особый след.
Бессмертны матери – живой и вечный
Источник всякой жизни на Земле!

Бессмертны матери.
Жизнь вечно первозданна.
Как прежде. Шар земной своим путем
Летит в весеннем звоне неустанном,
В цвету, с незаживающею раной –
Могилой моей матери на нем.

Весь мир в движении.
Кто-нибудь родится,
А кто-то умирает в этот миг.
Не просто, чтоб стать земли частицей –
Чтобы в детей и внуков обратиться,
В дома, в машины и в страницы книг!

Настанет время
Лечь и мне в могилу.
Но я б хотел, чтоб для моих детей,
Для всех людей то, что свершу я, было
Такой же красотой полно и силой,
Как для меня жизнь матери моей!

Хочу, чтоб жизнь
И впредь над смертью черной,
Держала верх в любые времена.
Чтоб крылья вдруг свои не распростерла
И мир цветущий не взяла за горло
Убийца наших матерей – война!

Чтоб каждому сквозь жизнь,

Сквозь мрак холодной,
Сквозь все, что испытать нам суждено,
И впредь, от власти времени свободно.
Не гаснувшей звездой путевой
Светило материнское окно!

1978 год.

Отцовский узелок

(Поэма)

«Отцы и дети, отцы и дети!...
как много об этом говорится и пишется.
Во все времена утверждают, были и во все
времена будут противоречия, конфликты между
отцами и детьми. Вот только мы с Алексеем
Горчиловым да тысячи подобных нам, потерявшим
на фронте отцов, не знали и не узнаем
такого разногласия. Считай, все мое поколение
не узнает. Какие же могли быть конфликты?»

(М. Годенко «Вечный огонь». Роман.
Журнал «Юность», 1985 г, №8 и №9).

Памяти отца моего
Василия Егоровича Вострилова
безвесто (и скорее всего безмогильно)
сгинувшего под Москвой в 1941г.

Отцовский узелок

(Поэма)

Сорок первый,
Мне четыре года.
Над Москвой пронзил прожектор мрак.
Репродуктор над толпой народа
Бьет в набат:
- У стен столицы враг!

У отца уж на руках повестка.
С бабкой нас проталкивает он
В душный, переполненный до треска,
Взятый с боя, чуть живой вагон.

И когда из той Москвы,
Из детства
Поезд наш отходит на восток,
Бабка вдруг кричит:

- А где отец-то?
Он же позабыл свой узелок!
Здесь сухой паек на десять суток,
Шутят ли с таким-то узелком?!

Бабка ахала.
Но шли минуты
И столбы мелькали за окном.
В день грядущий,
К жизни поезд рвался...

А отец,
Еще живой пока,
В те минуты
К фронту направлялся
Без спасительного узелка.

Где погиб он?
Даже и примерно
Места не могу назвать и дня.
Мой отец остался в сорок первом.
Бронзой стал, легендой для меня.

Ни друзья отца.
Ни переписка,
Ни архивы мне не помогли...

Может,
Безымянным обелиском
Где-то он пророс из под земли?

Может,
Сможет в будущем наука
Воскрешать из мертвых наконец?

Знаю я одно:
Во мне, и внуках
До сих пор живет он, мой отец!

Я теперь
Отца намного старше.
Предо мной висит его портрет.
Вновь с отцом я, без вести пропавшим,
Прохожу сквозь строй далеких лет.

И опять.
Как о чудесной сказке,
Как о хлебе – главном сне ее,
Тайно грезит об отцовской ласке
Детство безотцовское мое.

И встает,
Отцом моим непознанный,
Новый мир – мир не его, а мой:
Целина. Гагарин. Взлеты звездные.
Ядерная смерть над головой.

Мы идем с отцом
К могиле матери,
Ставшей также мне и за отца,
С дней войны не переставшей ждать его,
Пока билось сердце. До конца.

Но доколе ж
Быть у смерти пленником?
Я сквозь даль времен вперед смотрю.
Я с отцом, как будто с современником.
Как с самим собою говорю!

Знай, отец:
Когда в том звонком Мае
Грянула над миром тишина –
Новый круг свой адский начиная,
О смертях грядущих помышляя,
Не сдала тогда высот война.

С Дня Победы,
Что живых от павших
Отделил невидимо и чертой.
Вновь война мечтает о реванше,
Возродить желая день вчерашний,
Новой захлестнуть грозит волной.

У нее теперь
Такие бомбы!
Если б только разом их взорвать –
Шар земной стал ядерный костром бы,
Нет, он не успел бы запылать!

И уже
Предел ей не указан,
И она на звезды курс берет.
Уж она в секретных планах базы
Чуть ли не на марсе создает.
Ждет война удобного момента,
Чтоб всю Землю – в марсианский вид...

А пока
Устами Президентов
О всеобщем мире говорит.

А пока война
С цинизмом наглым
Бьется за права для нас с тобой,
Звездно-голубым широким флагом
Прикрывая жадность и разбой.

А пока война
Со злобой страшной
Нас развит - свинцом и без свинца.
Только фронт проходит не по пашням,
А по нашим душам и сердцам!

Есть он, фронт!
Им с давних пор незримо
На планете разъединены
Светлый мир любви неистребимой

С черным миром смерти и войны.

А еще есть Серый.
Он над боем.
В хате с края он пожить горазд.
За минуту своего покоя
Все богатство мира он отдаст.

Он страшней.
Чем Черный.
Этот Серый!
В схватку с ним вступая, как боец,
Я живу одной с тобою верой.
По тебе сверяю жизнь, отец!

И когда
Я вижу, как стремится
Кто-то скрыться с линии огня.
За сверхмодной «стенкой» укрыться –
Личный кровный враг он для меня.

И когда
Глушат меня нередко
Гроном недостигнутых побед,
Я смотрю: пошел бы я в разведку
С этим краснобаем – или нет?

И когда дать бой за правду надо,
Проверяю я себе вдвойне:
А могу я встать стеной за правду,
Как под танк бросались на войне?

Он мне в душу
Лезет, этот Серый!
И всегда. С ним выходя на бой.
Не считая жертвы и потери,
Я иду на бой с самим собой!

Вот сидим
Перед твоим портретом дома мы –
Я, уже доживший до седин,
И, тебе. отец мой, незнакомое,
Наше продолжение – мой сын.

Неужель его
По праву жестокому.
В пасть войны придется мне послать
И. вдобавок к детству безотцовскому,

Старость безсыновнюю познать?

Только став отцом,
С любовью к жизни прочною
Прошагав по тысячам дорог,
Понял я: нет, не забыл – нарочно ты
Мне тогда оставил узелок!

Что ж, все верно!
Мчит сквозь тучи грозные
Век наш, не жалея скоростей.
Открываем мы дороги звездные,
Пашем землю и растим детей.

А грядет гроза –
Ее встречаем мы,
Как бойцы – с винтовкою в руке.
И в наследство детям оставляем мы,
Шар земной в отцовском узелке!

1985 год.

Здравствуй, Пушкин!

По деревням, по перелескам синим,
Подобная одной большой тюрьме.
Безграмотная нищая Россия
Лежала в вековой кромешной тьме.

А в Петербурге. В золоченных залах,
В холодном свете сотен бальных свеч,
Как приговор несправедный, звучала
Французская изысканная речь.

Гремели высочайшие пирушки.
И, исполняя тягостную роль,
Сюда входил он, камер-юнкер Пушкин,
Вместивший в сердце всей России боль.

Любезно улыбался светским дамам,
В душе в одну пружину сжавшись весь.
И, словно пулей, хлесткой эпиграммой
Разил бездушье, ханжество и спесь.

И, отвергая сплетен водопады,
Воспев свободу в свой жестокий век,
Шел он к барьеру, шел на бой – и падал
На Черной речке на кровавый снег...

Но Пушкин жив!
Он знал с последним вздохом,
Что отомстят потомки за него,
Что не в одну грядущую эпоху
Войдет он, нужный, как никто другой.

Нет слишком рано зло торжествовало:
Когда потом в семнадцатом году
На Зимний мы пошли девятым валом,
То с нами Пушкин шел в одном ряду!

Был под Москвой он в сорок первом грозном,
На целине палатки разбивал.
На корабле «Восток» дорогу к звездам
С Гагариным он вместе открывал.

Мы с Пушкиным в огромный мир вступаем,
На перепутьях жизненных дорог
Самих себя все глубже постигаем
В бездонности его могучих строк.

И к нашим детям с первой игрушкой
И с первой книжкой в души он войдет.

И снова скажут люди:
- Здравствуй. Пушкин,
бессмертен, как бессмертен сам народ!

М. Горький на откосе

По многолюдным переулкам Нижнего
Шагал он, как из сказки великан,
Как рыцарь угнетенных и обиженных,
Гроза хозяев жизни и мещан.

Шел по Откосу он над волжскою кручею.
И, город звать привыкшие своим,
Купцы, как перед волком неприрученным,
Пугливо расступались перед ним.

Шептались злобно острословы местные,
А он, всем сердцем устремясь вперед,
Крылатому подобный Буревестнику,
Смотрел, как Волга взламывает лед...

Внизу, как муравейник взбудораженный,
Бурлила Миллиошка, где он рос.
О. знал он, как нелегок путь для каждого
Из этой Миллиошки на Откос!

Вот ей-то, «чистой» публике, неведомо.
Что значит в довершение ранних бед,
Поскольку на медаль ты, с шеи дедовой
Вдруг «выйти в люди» в девять-десять лет!

И разве эта публике двулика
Поймет когда-нибудь, как ни проси,
То горе всенародное, великое,
Что видел он в скитаньях на Руси?

А как привыкшим даром брать с рожденья
Все блага жизни баловням судьбы
В той Миллиошке разглядеть стремленье
К вершинам знаний, к радости борьбы?

Бой – мироедам! Как перед атакою
Звал он Россию встать, расправить грудь.
Пусть сердце Данко негасимым факелом
Для всей планеты освещает путь!

Чтоб каждый мог свободно и торжественно
Назваться гордым словом – Человек...

Таким мир и запомнил Буревестника
Над местом встречи двух великих рек.

И пусть давно он был, рассвет тот хмурый,
Над миром все гремит сквозь времена:
- Эй, люди, буря! Скоро грянет буря!
Так пусть же грянет посильней она!

Ю. А. Гагарин

Он к нам
Шагнул с телеэкранов,
Как с неизведанных планет,
Как юность мира, всем желанный,
Как из грядущего привет.

В тот час
Прекрасный и тревожный,
Когда парил он над Землей,
Так были перед ним ничтожны
Все склоны суеты земной!

Как были
Люди всей планеты,
От нищих до земных богов,
В то утро ясное согреты
Улыбкой солнечной его!

Как шел он,
Возвратясь с победой
Из той космической дали,
По странам и по континентам,
Став сыном Неба и Земли!

А между тем
Он был такой же,
Как ты и я, любой другой.
Так путь его земной похож был
На судьбы сверстников его!

Представьте только:
Он – и бомбы!
Но, как и все мы, в детстве он
Войной жестокой опален был
И тоже детства лишен.

Как мы,
Не по картинкам в школе –
Руками, грудью и спиной
Знаком он был с крестьянским полем
И с заводскою проходной.

Как мы,
Ночами напролет он
Не спал, чтоб утром сдать зачет.

Земные штурмовал высоты,
Готовясь в звездный свой полет.

Еще слова «майор Гагарин»
Тогда не вырвались в эфир.
А он уж был, смоленский парень,
Таким, каким потряс весь мир.

Он был таким,
А мы не знали.
С ним рядом строя и любя,
Мы ни на миг не отличали
Колумба неба от себя.

И если б перст судьбы капризной
Вдруг перед ним не встал в упор.
Что ж – так и был бы он не признан,
Не понят нами до сих пор?

Не может быть!
Знай, кто б ты не был:
Есть в жизни каждого из нас
На суше, в море или в небе
Свой звездный путь, свой звездный час!

Теперь
Он стал легендой, бронзой.
Дорогой, проторенной им,
На кораблях уходят звездный
Те. Кто не знал его живым.

Бессмертна
Эта эстафета.
Бессмертен тот, кто первым был.
Кто для народов всей планеты
Дверь во Вселенную открыл.

И вечно
Время не состраит
Тех, кто сегодня в вихре дней
Всегда и всюду, как Гагарин,
Готов идти по целине!

К. В. Циолковский

В Калуге –
Толстопузой, краснорожей.
Без денег не ступающей ногой,
Он был таким не прочих непохожим,
Как будто он с планеты был другой.

В Калуге той,
Под звон под колокольный.
Под гвалт кабацкий и зевки зевак,
Твердил о звездах он – учитель школьный,
Непризнанный мечтатель и чудак.

Калуга
Обжиралась до икоты,
Молилась и грешила вновь с утра.
А он о небе грезил, о полетах
О никому неведомых мирах.

Калуга
Власти и чинов хотела,
Чтоб непокорных растоптать в пыли.
А он задумал – шуточное дело! –
Осилить тяготенье всей Земли.

В семье нет хлеба
И с одеждой туго,
А он вновь мастерит воздушный шар.
И злобно ухмыляется Калуга:
- Вот как устроит в городе пожар!

А кто-то скажет:
- Все возможно нынче!
Вот как построит аэроплан на грех,
Да за него как хапнет миллиончик,
Всем и покажет, как взлетают вверх!

Калуга!
Многоликая Калуга!
Она не только в городе своем,
Она в дворцах роскошных Петербурга
Сидела важно гидрой многорукой

Под хищным императорским орлом.

Она с ученым видом заседала
В Российской Академии наук,
Проекты не читая отвергала
И под сукно увесистое клала
Плоды ночей бессонных, долгих мук.

Она с самой Европой об открытиях,
О сдвигах рассуждала не спеша.
Но тем, кто мог бы и хотел умыть ее,
Не отпускала медного гроша.

И в ордена,
И в звезды разодета,
Со спесью мракобесов всех времен
Она роняла:
- Где уж нам к планетам!
Чего он хочет, Циолковский этот?
А может, впрямь с Луны свалился он?

Нет,
Всевеликая Калуга, - был он
Земным! И только в том его вина,
Что твой, Калуга, век опередил он,
Принадлежал грядущему и нам!

Был сын Земли он.
Гражданин Вселенной.
Мог он шагнуть из дней своих легко
В мир обновленный, необыкновенный,
Сквозь бездны расстояний и веков.

И в час,
Когда победный залп «Авроры»
Открыл для мира эру звездных лет,
Уже он слышал в небе гул моторов,
Над Байконуром слышал гром ракет.

Уже тогда.
Заглядывая в завтра,
Он видел и гагаринский «Восток»,
И на Сатурне первых космонавтов,
И тех, кто к звездам полетит в свой срок.

Уже он видел,
Замерев от счастья,
Всю нашу мощь, которой не сломить,
Которой. Может, миллиардной части

Для опытов могло ему хватить.

Он слышал
Шум газет, с прибоем схожий,
Его назвавший прежде всех имен...
И разве так уж важно, что не дожил
До звездных взлетов и до славы он?

Да разве же
Бессмертье наше – в славе?
Что слова? Дым – и больше ничего.
Бессмертье в том, что людям он оставил,
И в продолжателях мечты его!

Всех дел его
И мыслей продолжатели,
Которые до звезд достать смогли,
Дорог Вселенной первооткрыватели –
Они и есть и будут соль Земли!

Творцы
Потрясшей всю планету нови,
О деле не шумят они своим.
О них, как о Сергее королеве,
Мы после их кончины узнаем.

Они
Не поражают на парадах
Звонящими рядами орденов.
Им если и вручаются награды,
Так без огласки и без громких слов.

Никто не обещает
Райских кущей им.
Но, дети матери – Земли, они
Во имя лучезарного грядущего
Штурм неба продолжают в наши дни.

И мчит Земля
В немых просторах Космоса
К далеким, неизвестным мирам,
Как мавзоль бессмертный Циолковского,
Как наш трансгалактический корабль!

Очереди

Кричат
Плакаты многословные
О счастье, благе всех людей.
А улицы исполосованы
Зигзагами очередей.

О, эти очереди грустные!
Вы стали символом страны.
Вы – продолжение «чуда русского»
Во дни войны и не войны.

А на собраниях проворные –
Те в очереди не встают.
Они от жизни с хода черного
Свое и не свое берут.

Был коммунизм
Обещан твердо им,
И вот – при жизни он им дан.
Их бог заплывшей жиром мордою
Заполнил голубой экран.

(Концовку не помню – еще одно или два четверостишия). 1970-1972 г.г. (?).

Слово о словах

Встали в ряд
В полях газетных
Строчки – борозды в стихах...

Хорошо поют поэты
О туманах да кострах!
О безумстве чувств бумажных,
Свежих розах на снегу...

Вот и мне
Запеть бы так же.
Что я – разве не смогу
В кудри вить слова?

Да только
(Сам в душе поэт, артист!)
Говорил мне как-то Колька,
Школьный друг мой, тракторист:

- Много их,
В стихах и прозой
Землю славящих, как мать!
Почему ж тогда в совхозах
Стало некому пахать?

Не надсаживай ты голос!
Ставь одно себе на вид:
Завсегда порожний колос
Выше тучного стоит!
Выше тучного стоит,
В поле всех звончей шумит!

Эх, воспеть бы
Осень в парке,
Шелест трав, красу берез!

Да, увидел, как доярки
Ломом силос бьют в мороз.
Как на санки глыбы грузят,
Как в корзинках силос тот
Тащат в хлев – пардон! – на пузе
День за днем, за годом год.
А на мать мою похожая
Доярка – в скотный двор
Завела меня:

- Ну, гоже ли?

Вот он, новый транспортер!
Нам бы ветер в спину дунул,
Если б действовать привык
Транспортер тот, как с трибуны
Председателей язык!

Выйдет с папкою огромной,
Говорит – себя не помнит.
Мелет день до вечера,
А послушать нечего!
Не поймет: чем меньше вретя,
Тем спокойнее живется!
От словесной бормотухи
Все изъяны да порухи!

Да!
Слова, как мы –
Бывают разными:
Есть – душу рвут,
Есть – в атаку поднимают,
Есть – из мертвых воскрешают,
Есть – большее плети жгут.

А бывает так:
Пружина
Лопнет вдруг поверх голов –
И обрушится лавина
С мыльной пеной схожих слов.

Дай спастись
О боже правый, мне
От пены той с небес,
От туманного, кудрявого,
Как грешный мир, лукового
Плетения словес!
Упаси в наш век ракетный
От неискренней строки...
Рожь на вид не так приятна,
Много ярче сорняки!

Дезертир

Когда село
От вести этой
Взметнулось:
«Где там дезертир?!»-
вдруг из окошка сельсовета
махнул он в предрассветный мир.

Дезертир

Его в лесу поймали летом,
И дезертир, как зверь лесной,
Вдруг из приемной сельсовета
Махнул в раскрытое окно.

И сразу с ближнего пригорка,
В руке сжимая револьвер,
К нему метнулся Рощин Борька,
Наш сельский милиционер.

А вслед за Борькой мы, мальчишки,
Помчались грозною гурьбой.
Мы, как при играх в кошки-мышки,
Кричали дезертиру:
- Сто-о-ой!
-Сто-о-ой!

И когда под пенье пули
Упал как дуб он на ветру,
Мы Борьку чуть не упрекнули:
Зачем нарушил, мол, игру?

И только, подбежав поближе,
Поверили: убит всерьез...

Там, на траве, от крови рыжей,
Лежал оборван он и бос.
А мы терзались:
Что же это,
Но подоспевший предсовета
Тряс Борьке руку:
- Молодец!

Потом, заметив вдруг, как вытер
Один другой из нас глаза,

Добавил:
- Видели? Учитесь!
Все против фрицев! Он был – за!

И пусть десятки лет минули –
Я вновь нет-нет да вспомню вдруг
Про ту оборванную пулей
Про ту недетскую игру.

Нет-нет да в жизни и в работе
Почувствую – близка слеза.
И вновь решаю: кто тут против.
А кто, как и когда-то – за?

И снова, словно мне двенадцать,
А год тот самый, непростой,
За кем-то я готов помчаться
И закричать, как в детстве:
- Сто-о-ой!

Захребетник

Захребетник

Помнит с детства:
Хочешь жить – умей вертеться.
Жить безвредно без труда
Он наловчился хоть куда!
И законник он отменный,
Захребетник современный.

Он давно
Уже не ходит
На дорогу с кистенем.
И не ночью – ясным днем
Так. По мелочишке вроде,
Он, «несун». Крадет в заводе,
Дачку строит, сад разводит,
А в саду вдруг клад находит,
И, глядишь – стал королем.

Где он
Денежки берет?
Ему бог дает.
Он с цветов рубли собирает,
С дачки лыко дерет.
Боже праведный, прости,
В чужой карман пусть.
Помоги наскрести
Да и выгрести!

Он давно
Не вор – карманник –
Что. Как зайцу, рисковать?
У него иная статья.
Он типичный большой начальник,
И от ближних, и от дальних
По- медвежьи в лапу брать.

Судит он
И вкривь, и вкось,
Потому что знает:
И собаке бросят кость,
Так она не лает.
Были б деньги – а душа
Не дороже гроша!

Он не прежний
Дьяк продажный,
Что ходил дремать в приказ –
Выше он берет сейчас.

Он, живущий только кражей,
Нынче столп наук бумажных.
Деятель искусства важный,
Ходит в гениях. И даже
Учит правде – матке нас.

И совсем
Он не Емеля,
Что валялся на печи,
Что валялся на печи,
Полируя кирпичи.
Он теперь всегда при деле,
Тонко режет, мягко стелет.
Смотрит маем и апрелем,
Разливается свирелью,
На собраниях не молчит.

С сапогами
Влезет в душу –
Только рот разинь да слушай.
И не сеет, и не пашет,
А валяет дурака.
Языком по ветру машет,
Разгоняет облака!
Он,
Как оборотень, может,
Рать себе подобных множа,
Разным стать, свой лик дробя...

Не все силен он.
Но все же
Приглядись-ка, друг, построже:
Как змея. Меняя кожу,
Не вселился ль он в тебя?

Змий Горилыч
(Сказка для взрослых)

Жил когда-то
В тьме кромешной,
Кровожаден и суров,
Змей Горыныч многогрешный,
До двенадцати имевший
Огнедышащих голов.

Шел тот Змей
На Русь, лютуя,
Жег дома, губил народ.
Знал он: если, с ним воюя,
Голову снесут какую –
Пара новых отрастет.

Но и Русь
Не лыком сшита!
От мечей богатырей
Головы терявших в битвах,
Кровью много раз умытых,
Изнемог однажды Змей:

- Нет с огнем
Мне больше ходу!
Наловчилась драться Русь!
Дай-ка я, на страх народу,
Лучше в огненную воду
Из огня-то превращусь!

- Дай-ка я, как джин, в бутылку
закупорюсь на века!
Брагой, водкой да горилкой,
Разливухой-нетужилкой
Обернусь для мужика!

Страшным криком
Огласив ночь,
Громче, чем в неволе сыч,
Стал не Змей он – Змий Горилыч,
До добра Не Доводимыч.
Ал-ко-го-ле-вич!

Морем пьяным,
Разливанным
Змий разлился по мехам,
По бочонкам, ведрам, жбанам,
Штофам, шкаликам, стаканам,
По «мер-зав-чи-кам!»

Много ль Змий
Достиг огнем бы?
А теперь он, черту брат,
До зубов вооружен был:
Как бутылка – так и бомба,
Как стакан – так и снаряд!

И пошел Змий
Куролесить:
Без объявленной войны
Брал в полон града и веси,
В богача вселялся бесом,
С нищего снимал штаны.

Возносил
Над облаками,
Обещал дать рай земной.
Умных делал дураками,
Сильных делал слабаками,
Слабых делал размазней:

- Эх, раз на свете-то живем!
Не трясись ты над рублем,
Над мелкашечкой!
Ну-ка, первая – колом,
А вторая – соколом!
Третья – пташечкой!

- Эх, пить будем,
да гулять будем!
А смерть придет –
Помирать будем!
А смерть придет –
Дома не застанет.
А застанет в кабаке
С поллитровочкой в руке!

Стало вдруг.
Как прежде было
При войне да при чуме:
В паре с Змием Смерть ходила.
В гроб гнала, с ума сводила,
Гнула в три дуги в тюрьме.

Верный пес
Всех бед на свете.
Брал людей за горло страх.
Лесом встал бурьян в полях,
И росли в сиротстве дети
При живых еще отцах.

Тот спился.

Тот разбился,
На бутылку наскочив.
Тот с похмелья отравился.
Тот в сугроб спать завалился.
Тот испекся на печи!

Тот вон
Столб своей хорошей
Называл, войдя в кураж.
Тот в огне сушил калоши.
Тот с огромным возом лошадь
На второй тянул этаж!

Пили в радости
И в горе,
При еде и натошак,
Пили в мире, пили в ссоре,
При серьезном разговоре,
В дружбе, в споре и в раздоре,
От безделья – просто так!

Ну, а Змий-то
Все опасней
Каверзы загадывал.
Он и к автору сей басни
Как-то в дом заглядывал.
Как-то в дом заглядывал,
Спать под стол укладывал.

А Змеята
Да Змеицы,
Подколотные мокрицы,
К месту разговор вели:
- Эка невидаль – напиться!
Пьяный – что же? Он проспится!
Вы-то вот проспите ли?

Кто ж спасти
От Змия может?
Что смирить его поможет?
Ругань тещи? Плач жены?
Спорт? болезнь, что сердце гложет?
Плоть? Начальство, что построже?
Трав настой? А может все же –
Вера в наговоры, в сны?

И тогда
Решили люди:
Пусть он, отпрыск злых стихий,
Гнусный выкормыш Иудин,
В дни торжеств и в годы буден,
Ныне и вовеки будет

Вне закона, подлый Змий!

Люди

Змия изловили,
В гроб стальной заколотили.
Так зарили глубоко,
Что и смерить нелегко,
А на Змиевой могиле
Камень черный положили,
Чтоб и через тыщу лет
Змий не выбрался на свет.

Я там был,
Сок - воды пил,
Речь над гробом говорил.
Речь над гробом говорил,
Змию кол в могилу вбил,
По усам вино бежало –
В рот ни капли не попало!

Содержание

Звезды над полями

1. Звезды над полями
2. Вечное
3. Ветла
4. Бревна
5. Живая вода
6. Старшие
7. Дядя Ваня
8. Вечером на реке
9. Два детства
10. Подарки
11. Кочетки
12. Картошка
13. Фотографии на стене
14. Наследство
15. Егоровна
16. Директор совхоза
17. Кузнец
18. Сенокос
19. Неторопливость
20. В страду
21. «Есть на Земле таинственная сила»
22. «Ночь остановилась»
23. В совхозной мастерской
24. Трактористы
25. Пастух
26. Почтальон
27. Новоселье
28. Как дом перевозили
29. «Наверно, будущий историк»
30. Близнецы
31. «Жизнь начиналась все-таки с деревни»
32. Деревенский звездочет
33. Первый радиоприемник
34. «Все верно! В звездную эпоху»
35. «Мне уж как видно, не пройти»
36. «Когда-нибудь фотонная ракета»
37. Полет
38. Метеорит (+)
39. Сон
40. Стенки
41. По грибы
42. Рыбалка
43. Баня
44. На скамейке
45. Гармонь (+)
46. Проводы
47. Пластинка

48. Свадьба
49. Первая любовь
50. Встреча
51. «В час горестный, припомнив прошлое»
52. Письмо
53. Воспоминание
54. «Не сложились стихи»(+)
55. Слово о Матери (поэма)
56. Отцовский узелок (поэма)